

Глава 52. Смелость для признания

Ань Но сидел в гостиной и нервно грыз ногти, прислушиваясь к доносящемуся из кухни шуму воды — Бай Ичэнь что-то усердно мыл. Сейчас Ань Но не рискнул бы подойти к дверям кухни даже под страхом смерти. Пометавшись по комнатам и решив, что безопасного места в этом доме больше нет, он выкрикнул в сторону кухни:

— Схожу за сигаретами, я быстро!

«Побуду страусом, — подумал он. — Спрячу голову в песок, а там видно будет».

Спокойный голос Бай Ичэня долетел до него без малейшей запинки:

— Кури поменьше! И не уходи далеко, еда скоро будет готова. Кстати, Ань-гэ, когда будешь возвращаться, позови Ся-гэ и остальных к нам на ужин.

Слова прозвучали так буднично, так естественно — словно любая жена со стажем в десяток лет напутствовала мужа, тайком улизнувшего за куравом. В этом голосе сквозило легкое ворчание, капля потакания и заботы, но больше всего — то умиротворяющее тепло домашнего уюта, которое копится годами.

И именно оттого, что фраза вышла слишком «домашней», Ань Но едва не побоялся выходить за дверь. Ему казалось: стоит повернуть замок, и всё станет реальностью; а если остаться — тайна вскрыется прямо сейчас. Никогда еще в жизни он не чувствовал себя в такой ловушке. «Господи, — взмолился Ань Но, — укажи мне путь».

И путь явился.

Юй Дай вместе с вернувшимся с работы Ся Цзинхуэем сами притопали к ним на ужин. По правде говоря, Цзинхуэй был категорически против этой затеи — он никак не мог взять в толк, с чего это его напарнику вздумалось так тесно сходить с Бай Ичэнем. Согласно его профессиональным убеждениям, им, как тайным охранникам, следовало держаться от Ань Но и Бай Ичэня как можно дальше, чтобы не привлекать лишнего внимания. Но Юй Дай шел напролом: мало того что снял квартиру прямо напротив, так еще и из кожи вон лез, чтобы стать Ичэню едва ли не названным братом. Начальник Мо Хань на всё это смотрел сквозь пальцы — по принципу «с глаз долой, из сердца вон». Цзинхуэй только диву давался: неужели с тех пор, как он ушел со службы, в полиции так сменились методы работы?

Юй Дай ничего не объяснял, лишь однажды серьезно отрезал: «Ты должен мне доверять. Я коп и знаю, что можно делать, а чего нельзя». Ся Цзинхуэй доверял ему безоговорочно. Однажды он усомнился в нем — и с тех пор поклялся, что это больше не повторится. Теперь его задачей было лишь следовать за Юй Даем и прикрывать его тылы.

Гости без лишних церемоний устроились перед телевизором. Ань Но, сконфуженно потирая нос, выклянчил у Цзинхуэя сигарету и ушел на балкон мрачно курить. Юй Дай мигом почуял в воздухе неладное и в приподнятом настроении упорхнул на кухню — якобы помогать. Но когда все блюда были готовы, он с досадой осознал: если Бай Ичэнь решает держать язык за зубами, он становится похож на захлопнувшуюся раковину — не подцепишь.

Ужин удался на славу. Ся Цзинхуэй и Юй Дай наелись так, что едва могли дышать. Хрустящий окунь на пару был нежным и ароматным; креветки «Гунбао» — идеально сбалансированными, с легкой кислинкой и едва уловимой остротой; бланшированная гайлань приятно пахла свежестью, а «Лотосовая смесь» радовала легкой сладостью. Наваристый бульон из ветчины и бамбуковых побегов завершал картину. Юй Дай многозначительно стрельнул глазами в сторону Ань Но: мол, «такое сокровище отхватил, ну и везунчик же ты».

Ань Но лишь неловко отвернулся, делая вид, что ничего не замечает.

В делах сердечных важно действовать на кураже, иначе запал неминуемо угаснет. Накрывая на стол, Бай Ичэнь твердил себе: «Завтра может не наступить, нужно сказать сегодня. Обязательно!»

Но за едой Ань Но обмолвился, что завтра рано утром уезжает по делам и вернется только послезавтра. Он попросил братьев Ся присмотреть за Ичэнем — благо Цзинхуэй сейчас был свободен. Те согласились без колебаний. А вот Ичэнь помрачнел. Ему казалось, что его бросают, что от него просто хотят сбежать. Ему отчаянно хотелось крикнуть: «Ань-гэ, я всего лишь хочу признаться! Ну, выйдет — хорошо, не выйдет — буду и дальше за тобой бегать, зачем прятаться-то? Дела делами, а дружба дружбой. Неужто ты теперь всю жизнь будешь от меня бегать? Если кому и прятаться, так это мне — это ведь мне будет неловко, если откажешь...»

В голове Бай Ичэня роились путанные мысли, перебивая друг друга. Аппетит пропал, а сомнения капля за каплей подтачивали и без того хрупкую смелость. Когда гостей наконец проводили, Ань Но вихрем скрылся на кухне и почти час мыл четыре тарелки, лишь бы не выходить. Глядя на часы, которые показывали уже половину десятого, Ичэнь почувствовал, что его решимость окончательно испарилась.

Ань Но вышел из кухни, вытирая мокрые руки. Ичэнь, свернувшись калачиком в кресле, смотрел «Аватара». Он, помедлив, присел на край дивана и, чтобы хоть как-то прервать тишину, спросил:

— Ну как, интересно?

— Ага! — Ичэнь энергично закивал и слегка повернул голову к нему, хотя глаз от экрана не отвел.

Ань Но решил, что как сожителю ему всё же стоит отчитаться о своем отсутствии — чтобы Ичэнь не почувствовал себя покинутым, как тогда, в больнице. Он откашлялся:

— Это... Сяо Бай...

— Можно не называть меня так? — Ичэнь наконец повернулся и серьезно посмотрел на него.

— Э-э... А как тогда?

— Как угодно. Только не Сяо Бай. Звучит так, будто ты зовешь ту глупую собаку.

«Бай Ичэнь, ну и капризный же ты!» — мысленно проворчал Ань Но.

На самом деле Ичэнь вовсе не капризничал. Когда Чжэн Жуй и остальные звали его Сяо Бай, ему и правда казалось, что кличут пса, но со временем он привык. Но с Ань Но всё было иначе. Он до сих пор помнил то трепетное чувство, когда тот назвал его «глупым мальчишкой». Тонкая, едва ощутимая нить сладостной горечи, которая затягивалась всё туже. Ему не хотелось быть для Ань Но «как все». Он мечтал об особенном имени, которое принадлежало бы только им двоим. Пусть даже «глупый мальчишка».

— Ладно... — Ань Но замялся. Называть его Ичэнем? Как-то... слишком официально и непривычно. — Эм... Бай Ичэнь...

Ичэнь картинно повалился на диван. Ему вспомнилось, как в студенческие годы их друг А-Цзэ ухаживал за первокурсницей. Наступил её день рождения, и этот олух примчался с вопросом: «Какой подарок ты хочешь? Я куплю!»

На этом... собственно, всё и закончилось.

«Ладно, пусть будет Бай Ичэнь», — уныло подумал он и спросил:

— Так что ты хотел?

Ань Но долго подбирал слова. Рассказать правду он не мог, а на ходу сочинять небылицы — только запутываться. В итоге он решил обойтись без подробностей. Прямо сказал, что едет помочь другу, завтра отбывает, послезавтра вернется. Велел больше отдыхать, не усердствовать с движениями, о еде не беспокоиться — Юй Дай всё принесет. И напоследок строго наказал: «Если захочешь спуститься — не геройствуй, пусть Юй Дай тебя снесет, у этого парня энергии хоть отбавляй. И если что случится — сразу звони мне...»

Ань Но всё говорил и говорил, и ему казалось, что наставлений еще слишком много. Этот мальчишка словно притягивал к себе неприятности, и оставлять его одного было невыносимо тревожно.

Бай Ичэнь снова уставился в телевизор, кивая в такт его словам, а в сердце его воцарился хаос.

Он думал лишь о том, как же Ань-гэ к нему добр. Слово «добр» казалось слишком блеклым и слабым, но другого он подобрать не мог.

«Что же мне делать, Ань-гэ? Я ведь всё равно тебя люблю...»

Та смелость, что бурлила в нем перед ужином, переварилась вместе с едой. Ичэнь презирал себя за малодушие, но в глубине души чувствовал облегчение. Хорошо, что промолчал. Скажи он хоть слово — и, возможно, всё это тепло исчезло бы навсегда.

На следующее утро Ань Но, стараясь избежать неловкого прощания, встал в пять часов. Быстро собравшись, в половине шестого он тихонько приоткрыл дверь в комнату Ичэня.

— Сяо Бай... Сяо Бай... Бай Ичэнь...

Тот лежал неподвижно, погруженный в глубокий сон.

Ань Но вспомнил, как однажды дал ему половинку таблетки снотворного, и парень проспал целую вечность — не добудисься. «Ну и горазд же ты спать», — невольно подумал он.

Он на цыпочках подошел к кровати. Ичэнь спал беспробудным сном. Ань Но осторожно коснулся его плеча — никакой реакции, лишь брови едва заметно дрогнули. Он толкнул чуть сильнее. Ичэнь лишь втянул голову в плечи и глубже зарылся в одеяло.

Глядя на его покрасневшее во сне лицо, Ань Но почувствовал, как сердце предательски екнуло. Обычно такой живой и дерзкий, сейчас Бай Ичэнь казался воплощением невинности. Разрез глаз рисовал на лице изящную линию, а густые ресницы замерли, точно крылья уснувшей бабочки. Он и раньше знал, что парень хорош собой, особенно когда его глаза лучились светом, но только сейчас понял: самое прекрасное в нем — это губы. Раньше он лишь подмечал, что многие девушки тратят кучу сил, чтобы добиться такого нежного эффекта «желе», который у Ичэня был от природы. И сейчас ему до безумия захотелось узнать, каковы они на вкус.

«А почему нет? Он же спит».

Ань Но медленно склонился к нему. Он не решался поцеловать сразу, лишь приблизил лицо, пока не почувствовал ровное, мягкое дыхание и не разглядел каждую пору на его коже. «Малыш, что тебе снится? — подумал он. — Отчего у тебя такое мирное лицо?»

Бай Ичэнь не шевелился.

Ань Но едва заметно улыбнулся и прикоснулся своими губами к его губам — легко, невесомо. Они оказались теплыми, мягкими и чуть сухими. Это мимолетное касание принесло такое странное, щемящее удовольствие, что Ань Но на мгновение забыл, как дышать.

Он был так близко, что всё перед глазами расплывалось, но даже в этом тумане он не мог не восхищаться: «До чего же у него красивые глаза...»

Глаза...

Глаза?!

Ань Но замер, его собственные глаза расширились от шока. Он встретился взглядом с Бай Ичэнем. Чистым, ясным, абсолютно осознанным взглядом. Так не смотрят люди, только что вырванные из глубокого сна.

Ань Но словно парализовало. Мозг превратился в чистый лист, он не мог даже пошевелиться, хотя его губы всё еще касались губ Ичэня.

— Ань-гэ, — Бай Ичэнь молниеносно выпростал руки из-под одеяла и обхватил лицо Ань Но ладонями. — Счастливого пути. Возвращайся скорее.

Сколько времени нужно, чтобы произнести фразу? Секунду? Минуту? Час?

Ань Но потерял счет времени. Он лишь чувствовал, как губы Ичэня трепещут, касаясь его собственных, и это теплое дыхание прошивает его насквозь. Чувство, от которого кровь закипала в жилах, а конечности леденели — пугающее и пьянящее одновременно. Словно что-то, дремавшее в нем годами, внезапно пробудилось.

Ичэнь чуть повернул голову и, не теряя ни мгновения, накрыл губы Ань Но своими. Он мягко присосался, раз, другой... и замер.

Ань Но казалось, что он раздвоился. Один голос внутри холодно чеканил: «Ты совершаешь преступление! Он же еще ребенок, о чем ты думаешь?!». А другой, захлебываясь от восторга, кричал:

«Целуй его! Целуй! Целуй!»

Ань Но зажмурился и, с трудом отстранившись, перехватил руки Ичэня:

— Бай Ичэнь...

— Ань-гэ, — быстро перебил его парень, — прости меня!

— Прости?... — Ань Но опешил. — Это я должен извиняться...

— Прости, что поцеловал тебя. Не сдержался. Ты мне нравишься. Очень, очень сильно. Так же, как Хань-гэ нравится Боссу! Я... я могу за тобой ухаживать?

Лицо Бай Ичэня пылало, как утренняя заря за окном, излучая надежду и страсть. Этот жар окончательно испепелил остатки логики Ань Но.

В какой-то момент ему показалось, что мир сошел с ума.

Кто кого поцеловал?

Кто кому нравится?

Кто за кем ухаживает?

В душе бушевал ураган: от пугающего восторга до восторженного ужаса. Ань Но не знал, что делать — то ли наплевать на всё и поцеловать его по-настоящему, то ли взять себя в руки и твердо ответить отказом. Он оказался в тупике: не мог ни кивнуть, ни покачать головой. И хотя он сам всё это начал, сейчас у него не было ни инициативы, ни права вето.

Бай Ичэнь вздохнул:

— Ань-гэ, я никогда раньше ни за кем не ухаживал. Ты можешь хоть как-то отреагировать?

И Ань Но — блестящий опер, гроза преступного мира, человек с железными нервами и острым умом... позорно дезертировал.

— Э-э... Я уже опаздываю. Мне пора. Вернусь... вернемся к этому разговору, когда приеду!

Дверь с грохотом захлопнулась. Бай Ичэнь наконец шумно выдохнул, накрылся одеялом с головой и закричал во всё горло. Видит бог, побудь Ань Но здесь еще минуту, и парень бы просто разрыдался. Бессонная ночь давала о себе знать, а этот поступок и признание выжали из него все силы, что были запасены на годы вперед. Сейчас он чувствовал себя выжатым лимоном, неспособным даже пошевелиться — хватало сил только на то, чтобы дышать.

В комнате воцарилась тишина. Ичэнь пытался унять бешеный стук сердца. На грани полного истощения и дикой эйфории его сознание плыло.

Он не ожидал, что всё так обернется.

Всю ночь он не смыкал глаз: корил себя за трусость, гадал о чувствах Ань Но, придумывал, как к нему подступить, и до дрожи боялся провала. Искушенный в переживаниях, он услышал, как Ань Но открыл дверь, но совершенно не знал, как себя вести. Притвориться спящим показалось лучшим выходом.

Когда Ань Но коснулся его во второй раз, он уже хотел «проснуться», но что потом? Просто сказать «пока»? Ичэнь понимал, что не сможет вести себя спокойно, и продолжил игру. Но он и в самых смелых мечтах не мог представить, что Ань Но его поцелует. С тех пор как в прошлый раз его ожидание поцелуя закончилось ничем, он больше не строил иллюзий.

Но... Ань-гэ его поцеловал!

В то мгновение, когда губы Ань Но коснулись его собственных, Бай Ичэнь без колебаний открыл глаза. Раз уж это не монолог, значит, пора на сцену обоим.

Ичэнь не умел признаваться в любви. Вся его храбрость уместилась в те несчастные три-четыре фразы: «Ты мне нравишься, я добьюсь тебя».

Всё просто.

Но методы Бай Ичэня доводили Ань Но едва ли не до нервного срыва. В половине седьмого пришло сообщение: «Ань-гэ, не забудь позавтракать, на пустой желудок за рулем внимание рассеивается». В восемь: «Ань-гэ, не гони по трассе, будь осторожен». В девять: «Ань-гэ, пора отдохнуть, не доводи себя до переутомления». В половине одиннадцатого: «Ань-гэ, пей больше воды, сегодня жарковато». В двенадцать: «Ань-гэ, время обеда...»

К трем часам дня Ань Но смотрел на садящийся аккумулятор телефона с чувством, в котором смешались смех и слезы. Остановившись на заправке, он всё же перезвонил. Ичэнь радостным голосом сообщил, что на обед Ся Цзинхуэй испек ему пиццу, а Босс обещал зайти вечером вместе с Хань-гэ навестить «раненого» и заодно накормить чем-нибудь вкусеньким. Еще он сказал, что у него всё отлично, и раз «взрослых» нет дома, он устроит себе ночь кино — Босс уже купил ему колу и попкорн для микроволновки...

Бай Ичэнь ни словом не обмолвился о признании, и Ань Но тоже не решился поднять эту тему. Они болтали о всяких мелочах, как люди, прожившие бок о бок много лет и знающие друг друга до кончиков пальцев. Ань Но наслаждался этим — легко, без нажима и обязательств, просто и душевно.

Уже перед тем как повесить трубку, Ичэнь тихо произнес:

— Ань-гэ, я жду твоего возвращения.

Простая фраза, мягкая, но бьющая точно в цель.

Ань Но понял: он пропал. Окончательно и бесповоротно.

<http://bllate.org/book/18167/1760613>